

6. Эйхенбаум Б. М. Художественная проблематика Лермонтова // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. — Л., 1969. — С. 181-215.
7. Алпатов М. Краски древнерусской иконописи. — М., 1964.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2004 г.

УДК 81“373

М. Г. Джисоева

“ПАМЯТЬ О ПРОИСХОЖДЕНИИ” В ЛИРИКЕ М. А. ВОЛОШИНА И Х. Л. БОРХЕСА

Новизна данного исследования заключается в отсутствии сопоставительных исследований творчества М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса в лингвоконцептологическом аспекте.

Цель работы: установить и описать точки пересечения художественных картин мира авторов путем исследования ключевых концептов их поэтического творчества.

Материалом исследования послужили лирические стихотворения Х. Л. Борхеса и М. А. Волошина, содержащие исследуемые художественные концептуальные образы.

Теоретической основой данной статьи является следующее положение: каждому поэту свойственна своя собственная образная картина мира и собственная вариативная система, с помощью которой становится возможным субъективное описание своих ощущений [1].

М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса неправомерно, наверное, было бы назвать художниками, творческие концепции которых очень близки, однако при чтении их произведений невольно возникает ощущение близости, конгениальности их литературного творчества. Представляется, что на это есть как минимум две причины: 1) необычайная парадоксальность мышления авторов и отсюда парадоксальность как одна из основных примет их творчества, как поэтического, так и прозаического; 2) говоря словами Хайме Альзраки, сказанными о Х. Л. Борхесе, но вполне могущими быть отнесенными и к Волошину, в его произведениях “представлено частное и общее, индивидуальное и аллегорическое, но они путаются одно с другим и объединяются в одно целое, где уже трудно отличить индивидуальное от родового” [2] (перевод наш — авт.). Вспомним, кстати, что именно такая цельность является высшим эстетическим и нравственным идеалом М. А. Волошина.

Итак, мы выдвигаем гипотезу о схожести художественных картин мира двух авторов, которую предстоит проверить на материале их лирических произведений. На наш взгляд, целесообразно было бы сопоставить их поэтическое творчество по некоторым ключевым точкам. Тогда возникает вопрос,

что же выбрать в качестве таких ключевых точек. Во-первых, нельзя не обратить внимания на всеохватность и космизм творчества Борхеса и Волошина и особый интерес авторов к истории происхождения сущего, философичность и научность поэзии. Как пишет Даниэль Теобальди, “поэт обладает удивительной способностью говорить о происхождении. Говорю ‘удивительной’ потому, что это дарование необычное. Он обнаруживает начало вещей, как если бы он присутствовал в момент их создания...” [3] (перевод наш — авт.). И далее: “Поэт утверждает себя как точка пересечения видимого и невидимого в центре тайны, которая проецирует свой окончательный смысл на все другие тайны, разделяющие этот же космический опыт” [3] “Говорить о происхождении” авторам помогает целая группа концептуальных понятий. В результате анализа стихотворных текстов Борхеса и Волошина нам удалось выделить ряд концептов, к которым весьма часто обращаются оба автора. Среди них особо отметим концепты “память-забвение”, “зрение-слепота” (зрячий — слепой), “слух-глухота”, “двойник”, “сон”, “зеркало”, “книга”, “свиток”, “лабиринт”, в той или иной степени перескакающие с концептом времени, который, как известно, является одним из ключевых в их творчестве. Любопытной особенностью этих концептов в творчестве Волошина и Борхеса является их двойственность. Для подробного анализа этих концептов и их роли в картине мира автора были выбраны стихотворения, в которых они представлены наиболее ярко. Начать следует, пожалуй, с самого общего, с рассмотрения точек зрения авторов на происхождение Вселенной. Полнее всего авторская концепция происхождения Сущего выражена в стихотворении Борхеса “Cosmogonia” и в стихотворениях Волошина “Кровь”, “Сатурн”, “Солнце”, “Луна”, образующих своего рода цикл. Первое, что бросается в глаза, — это восприятие Творения с помощью органов чувств, с помощью зрения и слуха: *La tiniebla requiere ojos que ven, como el sonido y el silencio requieren el oído Y el espejo, la forma que lo puebla* у Борхеса и *В моей крови — слепой Двойник. Он редко кажет дымный лик, — Тревожный, вещий, сокровенный, Приникнул ухом... Где ты, пленный? (Кровь) и Где лился музыкой, непознанной для слуха, Творящих числ и волю мерцающий поток (Сатурн)* у Волошина. Ключевые образы здесь мрак, водное начало и органы чувств. При этом волошинская космогония выглядит более “населенной”, одушевленной присутствием Двойника. У Борхеса нет ни мрака ни хаоса, так как мрак требует глаз, которые бы видели, звук и тишина — уха, которое бы слышало, а зеркало — формы, которая его населяет. Причина и следствие здесь меняются местами: не субъект появляется для того, чтобы воспринимать мир, но мир осуществляется “по мерке” субъекта. Примечательно, что у обоих авторов присутствует некая “рамка”, соединяющая момент творения с моментом “теперь”. У Волошина это выражено имплицитно: лирический герой, существующий здесь и сейчас, пытается найти, обнаружить в себе архаического двойника, то есть темное историческое прошлое, интуитивно угадываемое им. У Борхеса момент “теперь” присутствует эксплицитно: *Algo que ya padece. Algo que implora. Después la historia universal. Ahora.* Таким образом,

история вселенной, описав круг, замыкается в гочке “сейчас” (вспомним в программном стихотворении М. Волошина “Дом Поэта”: *Весь трепет жизни всех веков и рас Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.*). Или, если угодно, нечто пронизывает всю историю от момента творения до момента “теперь”. Что же? Как нам представляется, таким объединяющим началом являются концепты “память” и “забвение”, или, точнее, парный концепт “память-забвение”, поскольку они тесно связаны между собой и со всей структурой поэтического текста. При этом память у Волошина — темная, глухая и слепая. Это ли не память о том, чего не видел глаз и чего не слышало ухо? Это ли не память о борхесовском довременном хаосе, или, точнее, если можно так выразиться, дохаосном времени? И у Волошина находим то же: *Мир отрывочен и пуст... Непривычно мне сознание Знать его как сочетание Лишь пяти отдельных чувств (По почам, когда в тумане...)*. Далее, водное начало, воплощающее память об историческом прошлом. У Волошина это кровь, водная глубина, звездный сок, явно перекликающееся со словами из гетевского “Фауста”: *кровь — это совсем особый сок*; у Борхеса это Гераклитова река: *El gran río de Heráclito el Oscuro*. Созвучность с волошинской темной памятью подчеркивается у Борхеса употреблением имени греческого философа в варианте Гераклит Темный, а не более распространенного Гераклит Эфесский. У Борхеса, однако, классическая Гераклитова река, двигаясь от прошлого к будущему, течет из забвения в забвение. Забвение — постоянный спутник и антагонист памяти: *Soy, t́citos amigos, el que sabe que no hay otra venganza que el olvido ni otro perdón. Un dios ha concedido al odio humano esta curiosa llave (Soy)*. Это одна из любимых борхесовских идей, он писал, что человеческая память удивительно асимметрична: каждый человек может помнить события, произошедшие много лет назад, и человечество может помнить самые отдаленные периоды своей истории, однако ни человеку, ни человечеству не под силу предсказать даже самое близкое будущее. Итак, у Борхеса прошлое и будущее — это забвение: *El presente est́a solo. La memoria Erige el tiempo (El Instante)*. А следовательно, *El hoy fugaz es tenve y es eterno; oiro Cielo no esperes, ni otro Infierno (El Instante)*. В конце концов воспоминание — это возвращение: *Нити темного познания Привели меня назад (О, как чуток, о, как звонко...)*.

Следующие концепты — “память-книга” и “память-свиток”. Интересно, что у Борхеса эти концепты представлены как взаимоотношение автора и книги, а у Волошина автор — это и есть книга. “Поэзия — это встреча писателя с книгой, открытие книги. Существует другой эстетический опыт, тоже очень странный, когда поэт задумывает книгу, когда он придумает или откроет произведение. Как известно, в латыни слова “придумать” и “открыть” — синонимы. Все согласуется с платоновской доктриной, в которой говорится, что придумать, открыть — значит вспомнить” (см. в [3]). У Волошина также припоминание — это ключ к постижению сущности бытия, и в этом человеку помогает его собственное тело. “Наше “я” — свиток. Наше тело — летопись мира. Оно есть точный отпечаток всей нашей эволюции во

вселенной” [4, с. 349]. *Теперь я мертв, Я стал строками книги (Блуждания); При жизни быть не книгой, а тетрадкой (Дом Поэта); Плоть человека — свиток, на котором Отмечены все даты бытия... (Путями Каина. II. Огонь)*. И лирический герой угадывает, *Как незапамятно и строго Звучал из глубины веков Глухой наступивший голос рога И звон верблюжьих бубенцов (И я был сослан в глубь стеней...); Vagamente los he buscado en esta vieja casa blanca y rectangular, en la fresca de sus dos galerías, en la sombra creciente que proyectan los pilares, en el intemporal grito del pájaro... (La Busca)*. Обращает на себя внимание переключки *незапамятно и intemporal*. Следовательно, говоря словами Борхеса, “одним из эффектов поэзии должно быть создание у нас впечатления не открытия чего-то нового, а припоминания чего-то забытого” (см. в [3]). Эта сентенция Борхеса объясняет многое и в волошинской концепции времени и “памяти о происхождении”. У Борхеса переплетаются и путаются тот, кто видит сны и тот, кого видят во сне, у Волошина сон человека переплетается с довременными снами Двойника и с мечтами “безмолвно грезящей природы”. Земля обладает памятью и в настоящем может грезить, переживая заново свое прошлое. Эту идею Волошин многократно высказывал как в поэтических произведениях, так и в прозе. В статье “К. Ф. Богаевский — художник Киммерии” читаем: “Земля, как и человек, способна видеть сны. Не растревоженная суетой современности, она неторопливо грезит о минувшем, о несбывшемся и о возможном, и сновидения ее достигают зрительной реальности миража” [5, с. 219]. Из характеристики “грезит о минувшем, о несбывшемся и о возможном” следует двунаправленность памяти, чего не наблюдаем у Борхеса, где способность помнить распространяется только на прошлое, сколь угодно долгое, но не на будущее.

С концептом памяти-забвения тесно связан концепт сна, а с последним концепт зеркала. Вспомним у Волошина: *Кто вместе видел те же сны, Становится невольно ближе (Письмо)*; в стихотворении “Сатурн”: *Где ткало в дымных снах сознание-наук Живые ткани тел, но тело было — звук*; и в стихотворении “Луна”: *С какой тоской из водной глубины К тебе растут, сквозь мглу моих распятий — К Диане бледной, к яростной Гекате, Змеиные, непрожитые сны! У Борхеса концепт сна принимает еще более парадоксальную форму: Quién me dirá si misteriosamente, bajo este techo de una sola noche, más allá de los años y del polvo, mas allá del cristal de la memoria, no nos hemos unido y confundido, yo en el sueño, pero ellos en la muerte (La Busca)*.

Что же касается концепта зеркала, то его отражение в поэзии двух авторов тоже несколько различно. Прежде всего, зеркало у Волошина живое, у Борхеса чаще всего — тусклое: *Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю, Чтоб этот мир дробить и отражать... И образы скользят. Я чувствую, я внемлю, Но не могу в себе их задержать (Зеркало)*; *Vagamente los he buscado en esta vieja casa... en el crepúsculo de los espejos, en un reflejo, un eco, que fue suyo y que ahora es mío, sin que yo lo sepa (La Busca)*. Зеркало — это еще и концептуальная метафора. И если у Волошина эта метафора традиционна (зеркало — вода, зеркальность вод): *Как млечный путь любовь твоя Во мне мерцает влагой звездной В зеркаль-*

ных снах над водной бездной Алмазность пытки затая (Как млечный путь любовь твоя), то у Борхеса механизм метафорического переноса иной: *Entre el alba y la noche hay un abismo de agonías, de luces, de cuidados; el rostro que se mira en los gastados espejos de la noche no es el mismo (El Instante)*.

Метафоры времени-лабиринта, и памяти-лабиринта, в высшей степени характерные для Борхеса, также встречаются и у Волошина: *Обманите меня... но совсем, навсегда... Чтоб не думать — зачем, чтоб не помнить — когда... Чтоб поверить обману свободно, без дум, Чтоб за кем-то идти в темноте наобум... И не знать, кто пришел, кто глаза завязал, Кто ведет лабиринтом неведомых зал... (Обманите меня... но совсем, навсегда...)* и *Память — неверная нить Ариадны — Рвется в дрожащих руках (Быть заключенным в темнице мгновенья)*. Концептуальные образы память и нить Ариадны, переплетаясь, эксплицируют еще одну характеристику памяти — запутанность: *Я пленен в переливных снах, В завивающихся круженьях, Раздробившийся в отраженьях, Потерявшийся в зеркалах (Я глазами в глаза вникал...)*. Тот же мотив находим у Борхеса: *Soy el que pese a tan ilustres modos de errar, no ha descifrado el laberinto singular y plural, arduo y distinto, del tiempo, que es uno y es de todos. Soy el que es nadie, el que no fue una espada en la guerra. Soy eco, olvido, nada (Soy)*.

Итак, в результате проведенного анализа можно сделать **вывод** о том, что во многом художественные картины мира М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса обнаруживают близость или прямые корреляции. Созвучность их творчества ярко проявляется в осмыслении и отражении целого ряда концептов, основными из которых являются концепты “память-забвение”, “зрение-слепота” (зрячий — слепой), “слух-глухота”, “двойник”, “сон”, “зеркало”, “книга”, “свиток”, “лабиринт”, так или иначе входящие в поле метаконцепта времени или пересекающиеся с ним.

Литература

1. Пономарева А. Система поэтических инвариантов как репрезентация концептуальной картины мира // Эл. ресурс: <http://leda.uni-smr.ac.ru/vestnik/documents>
2. Jaime Alazraki Narrativa y critica de nuestra Hispanoamerica // Эл. ресурс: <http://www.sololiteratura.com/bornarrativa.htm>
3. Daniel Gustavo Teobaldi La memoria del origen. Algunos aspectos de la poesia de Jorge Luis Borges // Эл. ресурс: http://www.ucm.es/info/especulo/numero8/borg_teo.htm
4. Волошин М. А. Тсатр как сновидение. // Лики творчества. Л.: Наука, 1988. — 465 с.
5. Волошин М. А. К. Ф. Богаевский — художник Киммерии // Коктебелевские берега. — Симферополь: Таврия, 1990. — С. 219-223.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2004 г.